

История между ними закончилась без каких-либо проблем, словно фарс. После того, как к нему вернулась память, он должен был обнаружить, что также участвовал в организации этого «Шоу Трумана».

— Разве ты... не ненавидишь меня? — спросил его странным тоном Му Фэй.

Человек в комнате, казалось, вздрогнул, а затем надолго замолчал.

Му Фэй почувствовал некоторое сожаление после этого вопроса, опасаясь, что его слова станут спусковым крючком. В конце концов, человек, находившийся сейчас в комнате, был бомбой замедленного действия.

Через некоторое время он тихо заговорил.

— ...Это больше не важно. — голос Цзи Цинъяня был сухим и хриплым, но его тон был очень ровным. — Я просто хочу найти его... сейчас.

Му Фэй, казалось, что-то понял.

Мир, существовавший между ним и этим человеком, никогда не позволял другим вмешиваться.

Он поджал губы и отказался от расспросов:

— Хм, я помогу тебе.

*

Цзи Цинъянь все еще день и ночь мучили его хаотичные феромоны, но присутствие Му Фэй было для него как временное успокоительное, которое было безопаснее инъекций. Поэтому в течение этого периода времени он в основном жил в главном доме семьи Цзи и находился под пристальным наблюдением матери Цзи во время занятий и после них. Как только занятия заканчивались, мама Цзи присылала кого-нибудь за ним на машине, чтобы он всегда мог быть рядом с Цинъянем.

Му Фэй испытывал мучительную боль, и ему было неудобно идти в полицейский участок, чтобы кого-то искать. Однако он знал имя, внешность и приблизительный рост этого человека, поэтому мог только тайно попросить нескольких своих близких друзей и одноклассников помочь навести справки во время урока. Сначала он не питал особых надежд, но и не ожидал... Он быстро нашел информацию об этом человеке.

—Больница?

Семья Му происходила из семьи врачей, и в настоящее время он изучал сестринское дело. Конечно, его друзья и одноклассники также работали в этой сфере. Его друг сказал, что видел личное дело этого человека в больнице, где он проходил практику раньше, и внешность этого человека была похожа на то, что он описал.

Му Фэй немного колебался. Он всегда боялся неприятностей. В этот момент он испугался, что попадет в центр неизвестного вихря.

Однако он снова вспомнил умоляющий голос того человека.

Он вздохнул и попросил своего друга провести тщательное расследование.

...В результате через несколько дней он получил более подробную информацию от своего друга.

*

Руки и ноги Му Фэя были холодными, он вернулся в дом Цзи в оцепенении.

Когда Цинъянь редко бывал трезв, он продолжал спрашивать, получил ли он какие-нибудь новости о брате Гуане, и поскольку он так и не услышал нужной ему информации, его симптомы усиливались день ото дня. Вчера он снова сходил с ума всю ночь, и даже высокоэффективные омега-феромоны не помогли. Му Фэй чувствовал себя так, словно каждый день ходил по тонкому льду, а его лицо, которое всегда было светлым, теперь покрылось черными пятнами, вызванными недостатком сна.

Но теперь, когда он знал это, он еще больше боялся заговорить.

Новости, которые он получил, были еще более отчаянными, чем он себе представлял.

Он не мог себе представить, что и без того уязвимый альфа полностью потеряет самообладание, услышав такие новости.

*

Он в оцепенении устроился на диване, и из комнаты донесся громкий звук, с которым мужчина отчаянно размахивал руками, пытаясь освободиться от цепей, сковывавших его движения. Похоже, симптомы повторились.

В его голове царил хаос, и он безучастно наблюдал, как мать Цзи, услышав эту новость, поспешно сбежала вниз по лестнице. Казалось, за ночь женщина сильно постарела. Ее всегда тщательно причесанные волосы в какой-то момент были выкрашены в белый цвет, а морщинки в уголках глаз становились все более заметными, заставляя ее вздыхать.

Она взглянула на него из угла с нескрываемым разочарованием в глазах, словно ненавидя его за бездействие. Му Фэй неосознанно опустил голову, пытаясь сжаться в комочек.

Он чувствовал, что невиновен, но не осмеливался противостоять альфе, которая была сильной и решительной женщиной в мире бизнеса. Он мог только надеяться, что его брат скоро придет и спасет его.

Среди оглушительного шума она быстро позвонила доктору Му, а затем дрожащими руками постучала в дверь Цзи Цинъяня.

— Цинъянь, Цинъянь? Это я, это мама... Доктор Му скоро будет здесь, ты...

— Убирайтесь, все вы, убирайтесь отсюда, убирайтесь!

Исходящие от него феромоны были настолько пугающими, что у Му Фэя защемило сердце и он побледнел. Даже мать Цзи, стоявшая за дверью, слегка пошатнулась. Она отказалась сдаваться и хотела что-то сказать, но безумный альфа, стоявший за дверью, сердито закричал:

— ...Если бы не ты, как мог я... как брат Гуань... мог быть вынужден покинуть меня? Все вы убирайтесь...

Мать Цзи задрожала и, побледнев, сказала:

— ..Мама делает это для твоего же блага...

— Убирайся...

Человека за дверью это нисколько не тронуло, вместо этого он закричал, как будто это еще больше раззадорило его.

— ...

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она медленно подошла к дивану и села. Спустя долгое время она протянула руку, чтобы закрыть лицо.

Му Фэй никогда не видел ее такой усталой и растрепанной, но он не осмеливался подойти к ней слишком близко. Она осторожно взглянула на него краем глаза.

— Начиная с завтрашнего дня, прекрати распылять свои ингибиторы. — мать Цзи внезапно холодно сказала. — После распыления эффект будет значительно снижен.

Му Фэй широко раскрыл глаза.

Если он не будет распылять свои ингибиторы, не будет ли он смертельно шокирован феромонами этого альфы?!

Его помолвка с Цзи Цинъянем уже превратилась в пустую бумажку, поскольку к нему вернулась память. Он не понимал, почему остался и продолжал лечить Цзи Цинъяна.

Он не был тем Гуанем И, который посвятил себя этому делу всем сердцем, без каких-либо сожалений. Что было важнее его собственной жизни?

...Брат, пожалуйста, приезжай скорее.

*

Доктор Му прибыл в спешке.

Сначала он пристально посмотрел на Му Фэя, который сидел в углу гостиной с уродливым лицом, а затем быстро услышал звук того, как тот человек отчаянно вырывается из своих цепей в комнате, сопровождаемый ревом и повизгиванием.

— Раз ты здесь, иди дай Цинъяню успокоительное. — мать Цзи быстро встала и торопливо сказала. — От твоего брата сейчас никакого толку...

— Отпусти Фэйфэя. — сказал доктор Му.

Му Фэй внезапно поднял голову, и в его глазах блеснула надежда.

Мать Цзи хранила молчание, и доктор Му вздохнул:

— Сейчас мы ничего не можем сделать, разве что вы сможете вернуть господина Гуаня и позволить ему и Фэйфэй лечить Цинъяня вместе, или...

— Гуань И... не вернется. — прервала его она.

Тон ее речи был очень зловещим, как будто она была уверена и рада, что Гуань И никогда не

вернется, но также, казалось, была полна глубокого и непонятного отчаяния.

Му Фэй был поражен. Могло ли быть так, что... она тоже знала?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но я правда не могу стереть его воспоминания или загипнотизировать его снова. — позиция доктора Му также была очень твердой. — Если он снова подвергнется этому, его мозг будет непоправимо поврежден, что ничем не отличается от инвалидности.

Ее лицо побледнело, и она поджала губы.

— Я обещал позволить Фэйфэю сопровождать Цинъяня в течение этого периода, но это не значит, что вы можете относиться к нему как к не человеку. — доктор Му взглянул на своего осторожного младшего брата и холодно сказал. — Цзи Цинъянь - ваш единственный сын, а Фэйфэй - мой единственный брат. Если вы снова будете держать Фэйфэя взаперти, я откажусь лечить Цзи Цинъяня.

Старший брат.....

Му Фэй был готов расплакаться. В этот период он находился под слишком большим давлением. Он был всего лишь омегой, но днем и ночью его пугали мощные альфа-феромоны. Если бы он знал об этом раньше, то не ввязался бы в эту историю.

— Му Ин! — мать Цзи тоже волновалась и навала его полным именем, у нее были красные глаза.

— Тогда, помимо изгнания Гуань И, стирания воспоминаний и гипноза своего сына... был, очевидно, лучший способ, но вы не захотели. — сказал доктор Му.

Она судорожно вздохнула и сжала руку в кулак:

— Заткнись...

— Если бы его альфа-железы были удалены, когда он был ребенком, ему не пришлось бы столько лет страдать от феромонных расстройств...

— Заткнись! Он мой единственный сын. Неужели альфа все еще остается человеком даже после того, как у него удалили железы?

Доктор Му слегка приоткрыл губы и сказал:

— Да, он в самом деле будет не так хорош, как бета или омега, но это было бы лучше, чем сейчас, верно? Действительно ли железы так важны?

Мать Цзи надолго замерла, прежде чем, наконец, что-то сообразила. Она парировала, не желая уступить:

— ...Тогда скажи мне, если бы Цинъянь удалил железы, ты бы все равно выдал единственного омегу в твоей семье, Му Фэя, за члена нашей семьи?

..На этот раз настала очередь доктора Му хранить молчание.

В глубине души они оба испытывали какую-то необъяснимую осторожность, но сегодня их разоблачили среди бела дня, и это было так неловко, что двое изначально проницательных

людей средних лет не могли вымолвить ни слова.

В какой-то момент звук в комнате тоже исчез.

Му Фэй заметил это первым. Поскольку его феромоны были в высшей степени совместимы с феромонами Цзи Циньяня, он почти сразу почувствовал, что уровень его феромонов медленно стабилизируется. Мать Цзи тоже быстро заметила это и побежала стучать в дверь Цзи Циньяня:

— Циньянь, Циньянь, ты в порядке?

— ...Мама.

Внезапно альфа в комнате заговорил, и его голос в этот момент звучал очень спокойно.

— Позволь доктору Му удалить мне железы.

Доктор Му повернул голову и ошеломленно посмотрел на дверь.

— Я не буду ни с каким омегой. Я просто хочу... увидеть брата Гуаня. Это моя последняя просьба к вам.

Ее движения постепенно замерли.

— ...Хорошо, я помогу тебе найти Гуань И. — сказала она легко, как будто приняла решение. — Но ты должен держаться, иначе ты не сможешь увидеть его до того, как он вернется.

Она лгала.

Му Фэй смотрел на спину женщины, ее сердце сияло, как чистое зеркало.

..Гуань И, очевидно, уже...

*

В такую нелепую и хаотичную ночь он принял решение.

Когда его брат попытался забрать его домой, он вызвался остаться еще на одну ночь.

Это было действительно не в его характере. Его брат посмотрел на него с выражением шока на лице. Он не осмеливался посмотреть прямо на своего брата, который хорошо разбирался в чувствах людей, и молча отводил глаза.

Именно мать Цзи вздохнула с облегчением, когда увидела, что он все еще готов остаться на ночь.

Другого смысла не было, он просто чувствовал, что Цзи Циньянь, которого до сих пор держали в неведении, был слишком трагичен и жалок.

После того, как все уснули, он тихонько подошел к двери комнаты Цзи Циньяня. От долгого сидения у него уже болело и немело все тело, и двигаться было невыносимо.

— Цзи Циньянь, я спрашивал новости о Гуань И. — тихо сказала Му Фэй. — Но что бы ты ни услышал, не предпринимай никаких действий, хорошо?

Поскольку он помнил, что в комнате были камеры, он не хотел нарываться на неприятности.

Человек в комнате был ошеломлен, он долго дышал, прежде чем подавил свое удивление и согласился.

Му Фэй сглотнул и крепко сжал одежду на груди обеими руками.

Сегодня вечером он не принимал никаких ингибиторов, пытаясь сохранить рассудок этого раздражительного альфы, усилив выделение феромонов омеги. Он знал, что этот разговор будет особенно трудным.

Потому что Гуань И... покончил с собой.

Более полумесяца назад в больнице, где проходил практику его друг, у Гуаня И был диагностирован мелкоклеточный рак легких в последней стадии с очень низкой вероятностью излечения.

В то время в больнице посоветовали ему как можно скорее сделать операцию, но он отказался.

Через несколько дней Гуань И позвонил снова и сказал, что хотел бы договориться о времени для обсуждения вопросов, связанных с хирургическим лечением, но в настоящее время он находится в командировке в другой провинции и прибудет через несколько дней.

Все было запланировано, но в тот день он не появился.

В конце концов, речь шла о человеческой жизни, поэтому из больницы позвонили еще раз, но только для того, чтобы выяснить, что на самом деле это был городской номер отеля. На тот момент гость не выписался, и дозвониться до него не удалось. Персоналу отеля пришлось лично проверить номер этого человека, но они обнаружили, что...

За день до визита к врачу он заперся в ванной и перерезал себе вены бритвой.

В то время на полу была кровь, смешанная с чистой водой.

И этот человек... его тело уже остыло, и у него не было дыхания.

Какое отчаяние могло заставить его покончить с собой за несколько дней до операции?

— ...Твоя мать уже должно быть знает об этом. — честно признался Му Фэй и был удивлен, обнаружив, что альфа-феромон внутри двери стал очень устойчивым. За исключением внезапного всплеска, когда он впервые упомянул, что он покончил с собой, казалось, что ему удалось подавить их. Его феромоны были устойчивы, как стоячая вода в бассейне. Он смело продолжил. — Позже администрация отеля связалась с семьей Гуань, и они забрали Гуань И... оттуда. Поскольку дело было очень важным, а компания семьи Гуань в последнее время находилась в тяжелом положении, они не хотели предавать это огласке, поэтому... немногие знают. Я сказал все, что нужно было сказать. Начиная с завтрашнего дня, твоя мама больше не будет ограничивать мою свободу. Я пойду в тот отель и спрошу еще раз. У меня там работает друг моего друга. Кажется, Гуань И на это время забронировала номер для пары... С тобой все в порядке? ...Цзи Циньянь? Ты спишь?Эй?

В комнате воцарилась мертвая тишина, и альфа никак не отреагировал на это, но на этот раз его феромоны не вышли из-под контроля, и Му Фэй почувствовал себя гораздо спокойнее.

Он благополучно опрыскал себя ингибитором и ушел, но даже не подозревая, что мужчина за дверью уже безудержно плакал.

—Брат... Гуань...

Брата Гуаня больше не было...?

Как такое могло случиться.....

После того, как к нему вернулась память, у него даже не было возможности официально встретиться с ним.

Он не смог сказать ему, что сожалеет и что любит его.

Брат Гуань даже заболел.

В то время, когда брат Гуань был болен, он встречался и путешествовал с другими людьми... как дурак, который ничего не знал.

Он также наговорил брату Гуаню кучу глупостей, которые тот больше всего не хотел слышать.

Брат Гуань никогда не проявлял нетерпения и даже приходил утешать его.

По сути, он вынудил брата Гуаня оставить его.

Должно быть, перед смертью он был в отчаянии.

Тот отель, номер той пары... Это было место, где они останавливались, когда были тайно влюблены друг в друга.

Как он мог забыть, что он всегда был единственным в жизни брата Гуаня....

Альфа сильно прикусил тыльную сторону ладони, и теплая кровь потекла из его зубов, смешиваясь с солеными слезами, но он, казалось, больше не чувствовал физической боли. Потому что огромная боль глубоко в сердце почти разорвала все его тело пополам.

В темноте он чуть не попал в другой хаотичный мир.

Почему он все еще жив?

Было бы лучше, если бы это он умер.

Почему это был его брат Гуань...

Брат Гуань всегда был таким уравновешенным и зрелым. Он никогда не думал, что брат Гуань в конечном счете решит покончить с собой, перерезав себе вены.

Он был тем, кто стал причиной этого.

Если бы он был смелее тогда, все бы так не закончилось.

Он был единственным... кто заслуживал попасть в ад.

*

Словно выполнив задание, Му Фэй на следующий день побежал в отель и, вернувшись, притащил оттуда коробку.

—Я слышал от своего брата, что твоя мать наконец-то решила удалить тебе железы. Поздравляю тебя с освобождением. — Му Фэй сказал. — Мой друг, который работает в отеле, рассказал мне, что, разбирая его вещи, семья Гуань забрала только одежду Гуань И и оставила коробку, которую они могли выбросить. Они не знали, стоит ли сразу выбрасывать это, поэтому я сказал им, что знал его, и мой друг помог мне убедить их... Я не ожидал, что у Гуань И будет так мало друзей. Я был единственным человеком, который пришел забрать его вещи как друг. В любом случае, я принес его сюда с собой.

— ...

Глаза Цзи Циньяня медленно поднялись, и он слегка пошевелил пальцами. Кровь, оставшаяся со вчерашнего вечера, высохла, и при каждом движении ощущалась тупая боль.

Му Фэй наклонился и услышал сдавленное дыхание человека внутри. Убедившись, что он все еще не спит, он успокоился и продолжил:

— Знаешь, внутри и правда была твоя картина... Я оставлю ее здесь. Ты можешь открыть дверь?

— ...

— Забудь об этом, ты можешь подождать, пока я уйду, прежде чем открывать дверь... Я все еще очень напуган. Кажется, мой брат придет сегодня вечером, чтобы сделать тебе операцию. Ты должен сделать все возможное, чтобы увидеть это до того, как твоя мать узнает. В данный момент она обсуждает с моим братом твою сегодняшнюю операцию, так что у тебя должно быть достаточно времени....Я ухожу.

Му Фэй огляделся, подтащил коробку к двери и на цыпочках удалился.

Цзи Циньянь медленно подошел и открыл дверь.

На самом деле, из-за того, что сегодня вечером ему предстояла операция, мать не заперла дверь и никому не позволила присмотреть за ним после того, как утром доктор Му сделал ему успокоительный укол. Как бы то ни было, цепей, сковывавших его движения, хватило лишь на то, чтобы он смог дотянуться до двери комнаты и ванной, которая была связана с комнатой.

Утром он изо всех сил старался, чтобы в его голосе звучала надежда на будущее. Все думали, что он принял условия своей матери. Ложь о том, что он «подождет, пока брат Гуань вернется к нему после операции».

Он вытянул руки и медленно внес коробку в комнату.

Это была обычная коробка для хранения вещей.

Как только он открыл ее, первое, что бросилось ему в глаза, был голубой портрет, который он написал для брата Гуаня.

Он тупо уставился на портрет. Хотя прошло много лет, портрет все еще выглядел совершенно новым. Четыре угла холста были плотно завернуты, как будто было видно, что владелец бережно хранил его.

В этот момент он по-настоящему осознал, что брата Гуаня действительно больше нет. Потому что он был слепо убежден, что брат Гуань никогда бы не выбросил эту картину. Он так сильно любил.

Даже если его предали, обидели и... забыли.

...

Гуань И улыбался.

Он давно не видел, чтобы Гуань И улыбался так расслабленно и нежно...

Ошеломленный Цзи Цинъянь протянул руку, чтобы прикоснуться к улыбающемуся лицу мужчины, но внезапно вспомнил выражение его лица, когда он рисовал Фэйфэя.

Какое отчаяние испытает человек, когда увидит, что его возлюбленный отдает всю любовь, которая принадлежала ему, другому человеку.

Он подумал о слезах, которые пролил Гуань И, прощаясь с ним.

...На первый взгляд брат Гуань мог казаться сильным и уравновешенным, но на самом деле бывали моменты, когда он был уязвим.

В прошлом он крепко обнимал брата Гуаня, когда тот был расстроен, и с любовью утешал его.

После того, как он потерял память, боль и уязвимость брата Гуаня накапливались слой за слоем, и в конце концов он даже почувствовал боль от неизлечимой болезни.

...

В коробке были и другие мелкие предметы. Билеты на поезд, маршрутные заметки, групповые фотографии и даже билеты в кино из их поездок... все это было тщательно собрано им. Даже складки были разглажены одна за другой, как будто каждая из них была бесценным сокровищем.

Глаза Цзи Цинъяня снова увлажнились.

Идиот... Если бы он достал какой-нибудь предмет из этой коробки и показал его ему, у него, возможно, появилась бы возможность восстановить его память.

Почему ты должен жертвовать собой?

Он ясно понимал, что ему было наплевать на жизнь или смерть. До тех пор, пока он мог быть с ним.

Какой был смысл ему теперь жить одному?

Это было так глупо...

*

Мать Цзи спустилась по лестнице, ступенька за ступенькой.

У двери комнаты никого не было. Как и ожидалось, Му Фэй отказался прийти сегодня, но так как Цинъянь собирался на операцию в тот вечер... она дала ему немного побыть одному.

Успокоительное, которое доктор Му дал на этот раз, оказалось очень эффективным. Сегодня она наконец-то не слышала, как Цинъянь сходил с ума, и ей редко удавалось хорошо выспаться ночью.

— Цинъянь. — она тихо постучала в дверь. — Тебе сегодня предстоит операция. Ты готов? Я проверила. После удаления железы все еще можно имплантировать искусственную железу. Хотя она и не будет так хороша, как естественная, это лучше, чем ничего. В настоящее время я ищу искусственную железу, которая подойдет тебе. Я думаю, скоро появятся новости об этом. Тебе тоже нужно взбодриться. Гуань... что ж, как только тебе станет лучше, я разрешу ему навестить тебя.

Долгое время в комнате не было слышно ни звука. Она всегда думала, что Цинъянь как-то отреагирует на упоминание имени Гуань И.

У нее возникли подозрения.

После долгих размышлений она, наконец, не удержалась и открыла дверь, но в следующую секунду, увидев, что происходит в комнате, издала душераздирающий крик.

— Цин... Цинъянь...

*

...

— Цинъянь...

Молодой альфа с помощью зубной щетки, которая в какой-то момент превратилась в меч, крепко воткнул ее себе в горло.

Вплоть до своей смерти он все еще крепко сжимал в другой руке синюю портретную картину.

Как будто они все еще были вместе.

Конец

<http://bllate.org/book/14304/1711793>